

Д. С. Пасманик

Революционные годы в Крыму

Москва
Издательский проект ЧтецЪ
2016

Пасманик, Д. С.

Революционные годы в Крыму. М. : Издательский проект ЧтецЪ, 2016. — 216 с.

Издательский проект ЧтецЪ — это издание малотиражных, давно забытых и редких книг русского зарубежья. Проект предназначен специалистам по литературе и истории русской эмиграции, а также ценителям редкой книги. По любым вопросам, связанным с изданием книг обращайтесь по электронной почте: order@4tets.ru

© ЧтецЪ, 2016.

Д-ръ Д. С. ПАСМАНИКЪ.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ ВЪ КРЫМУ.

(Приложеніе: Письмо И. И. Петрункевича о русской интеллигенціи).

Того же автора:

- 1) Русская революція и еврейство (Большевизмъ и іудаизмъ). Парижъ 1923. Цѣна..... 10 фр.
- 2) Дневникъ контр-революціонера. № 1-ый 2 фр.
— — — № 2-ой 2 фр.

Copyright 1926 by D-r D. S. Pasmanik.

Tous droits réservés.

La justice sans la force est impuissante; la
force sans la justice est tyrannique.

Pascal.

Le peuple est opprimé, quand le pouvoir
est faible.

Anatole France.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Въ послѣднее время опубликовано столько воспоминаній и свидѣтельскихъ показаній о русской революціи, или, если хотите, о «русскомъ опытѣ», что каждый новый авторъ мемуаровъ объ этомъ событіи долженъ оправдать свое выступленіе, если онъ не стоялъ въ центрѣ событий, если онъ не принадлежитъ къ той численно ограниченной группѣ лицъ, имена которыхъ войдутъ въ русскую исторію.

Авторъ настоящаго очерка не предъявляетъ подобныхъ претензій. И все же онъ полагаетъ, что его воспоминанія представляютъ извѣстный интересъ по слѣдующимъ причинамъ.

Во - первыхъ: Было бы ошибочно полагать, что вся наша трагедія исчерпывается событіями, имѣвшими мѣсто въ Петроградѣ, или въ Ставкѣ. Какъ реагировала многомилліонная масса на столичные событія, что она дала и что она взяла? Была ли провинція объектомъ, или субъектомъ революціи?

Въ концѣ восьмидесятихъ годовъ 19-го столѣтія въ нашей эмигрантской средѣ очень горячо дебатировался вопросъ о томъ, сыграетъ ли во время революціи Петербургъ ту же роль, что и Парижъ. Вѣдь, въ дѣйствительности, всѣ французскія революціи создавались почти исключительно Парижемъ, рѣшенію котораго подчинялась вся провинція. Самъ Н. П. Лавровъ, бывший въ мои студенческіе годы вождемъ всей русской эмиграціи, полагалъ, что столица не сыграетъ рѣшающей роли въ ходѣ русской революціи, и что самодержавіе сможетъ окопаться въ Москвѣ, или даже въ провинціи. Онъ полагалъ, что послѣдняя куда больше независима отъ Петербурга, чѣмъ Франція отъ Парижа. Въ этомъ обстоятельствѣ усматривалась тогда огромная опасность для развитія всего революціоннаго процесса въ обширной Россіи, раскинувшейся на многія тысячи верстъ и обитаемой различными народностями, разрозненными и культурно и матеріально.

Припоминаю, что сообразно съ этимъ вырабатывался планъ одновременнаго возстанія въ нѣсколькихъ пунктахъ страны, далеко отстоящихъ другъ отъ друга, что, между прочимъ, вновь дало поводъ Драгоманову, родоначальнику политическаго украинофильства, отстаивать идею областной автономіи. Такъ обстояло дѣло въ 1888 году. Интересно отмѣтить, что Г. В. Плехановъ и въ этомъ вопросѣ выступилъ противникомъ Лаврова: вождь россійской социаль - демократіи тогда уже предсказывалъ, что исходъ россійской революціи будетъ рѣшенъ въ столицѣ, что и случилось въ 1905 и въ 1917 г. г. Волѣ столицы подчинилась вся Россія безпрекословно и даже гораздо легче и полнѣе, чѣмъ Франція Парижу. Тоже самое случилось въ Австріи и въ Германіи, гдѣ весь переворотъ въ 1918 г. былъ рѣшенъ столицами.

Этотъ фактъ знаменательный, ибо онъ имѣетъ огромное значеніе не только для прошлаго, но и для будущаго. Надъ этимъ фактомъ надо задуматься, во всякомъ случаѣ, его надо изучать, ибо въ немъ разгадка очень многихъ на первый взглядъ прямо непонятныхъ явленій. Будущій историкъ нашего Смутнаго времени будетъ вынужденъ изучать настроенія и поведеніе русской провинціи лѣтомъ 1917 г., чтобы выяснитъ связь событій, приведшихъ къ извѣстнымъ результатамъ. Мы поэтому считаемъ, что одновременно съ показаніями столичныхъ дѣятелей, должны быть собраны и наблюденія тѣхъ, которые провели всю эпоху революціонныхъ событій въ провинціи. Авторъ этихъ записокъ жилъ съ 20 февраля 1917 по 3-е апрѣля 1919 г. въ Крыму, гдѣ произошли огромной важности событія, имѣвшія, какъ мы увидимъ, вліяніе на общее развитіе революціи, причемъ онъ не только наблюдалъ событія, но принималъ въ нихъ посильное активное участіе вплоть до первой эвакуаціи Крыма послѣ ухода французовъ.

... Во - вторыхъ: Можетъ быть это нескромно съ моей стороны, но я долженъ указать и на слѣдующую, чисто субъективную, причину, почему я считаю нужнымъ предать гласности мои воспоминанія: я — еврей. Въ извѣстныхъ кругахъ вкоренилась мысль о неразрывной связи между активностью русскаго еврейства и всѣмъ ходомъ русской революціи. Что это: легенда или глубокомысленный выводъ изъ фактовъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ представляетъ огромный интересъ для всей русской жизни и мысли. При этомъ отмѣчу, что я лично занималъ особое

мѣсто въ самомъ еврействѣ. Многіе годы я былъ членомъ центрального сіонистскаго комитета въ Россіи и однимъ изъ редакторовъ сіонистскаго органа печати «Разсвѣтъ». Но и среди сіонистовъ я занималъ особое мѣсто: я отстаивалъ принципъ полного невмѣшательства не только сіонистовъ, но и всѣхъ русскихъ евреевъ въ общерусскую политику и особенно въ революціонное движеніе. Я предвидѣлъ еще въ 1904 г., что на наше вмѣшательство отвѣтятъ погромами и сугубой реакціей со стороны не только верховъ, но и низовъ русскаго общества. Но я оставался одинокимъ со своимъ мнѣніемъ. Я отказался выставить свою кандидатуру въ Госуд. Думу отъ Полтавской губ. (откуда я родомъ), ибо я твердо стоялъ на принципѣ невмѣшательства въ общерусскую политику. Я его придерживался до 3 марта 1917 г. Въ этотъ день я радикально перемѣнилъ фронтъ по причинамъ, которыя я разъясню ниже. И съ тѣхъ поръ по сегодняшний день я цѣлкомъ ушелъ въ русскую политическую жизнь, вступивъ въ кадетскую партію. Я поддерживалъ первое Временное Правительство, боролся противъ засилія разныхъ «совѣтовъ» и противъ керенщины, защищалъ Корнилова, помогалъ ген. Алексѣеву, отстаивалъ интересы бѣлаго движенія, какимъ я его *желалъ* видѣть, защищалъ ген. Деникина и Врангеля и боролся неустанно противъ большевиковъ. Въ результатъ — я прослылъ «погромщикомъ» среди родного еврейскаго народа, сіонисты официально отреклись отъ меня. А я все же продолжаю вѣрить въ святость моей правды, ибо во всей своей дѣятельности послѣднихъ лѣтъ я руководствовался чувствомъ безпредѣльной любви къ Россіи и къ родному русскому еврейству. Мнѣ думается, что это мое своеобразіе представляетъ не только психологическій, но и политическій интересъ какъ для русскихъ, такъ и для евреевъ. Я надѣюсь, что мои записки послужатъ урокомъ для очень многихъ изъ моихъ нынѣшнихъ недруговъ.

Но прежде всего я желалъ бы выяснитъ роль нашей провинціи въ ходѣ событій русской революціи.

СООБЩЕНИЕ МОЕГО ДЕНЬЩИКА.

Съ 13-го августа 1914 г. я находился на фронтѣ въ качествѣ военного врача: 14 мѣсяцевъ въ строевой части, а остальное время въ полевомъ подвижномъ госпиталѣ, который былъ прикомандированъ къ гвардейскому корпусу и стоялъ въ м. Киверцы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Луцка (Волинской губ.). Я оказался въ этомъ районѣ единственнымъ специалистомъ по ушнымъ и горловымъ болѣзнямъ и мнѣ пришлось развернуть 353-й пол. подв. госпиталь на 800 кроватей. Работать пришлось свыше силъ человѣческихъ, пока не слегъ. 20 февраля 1917 г. я былъ привезенъ тяжело больнымъ въ одну изъ ялтинскихъ санаторій, состоявшую подъ покровительствомъ княгини Барятинской. Попасть я въ эту санаторію лишь потому, что я, какъ сказано выше, служилъ въ госпиталѣ, прикомандированномъ къ гвардейскимъ войскамъ. Весь лазаретъ былъ заполненъ, главнымъ образомъ, гвардейскими офицерами, но были и армейцы. Я былъ единственнымъ евреемъ въ этомъ привилегированномъ лазаретѣ. Все это я узналъ лишь позже, ибо первые дни послѣ моего прибытія я лежалъ неподвижно въ своей комнатѣ и былъ изолированъ отъ всего вѣшняго міра. Я видалъ лишь врача, сестру милосердія и моего вѣрнаго деньщика, Ивана Серебрякова, крестьянина С...ой губерніи. Этотъ деньщикъ былъ мой единственный другъ въ Ялтѣ, гдѣ я рѣшительно никого не зналъ. Нѣсколько словъ объ этомъ другѣ. Ему было уже за сорокъ, съ просѣдою на вискахъ, съ ясными голубыми глазами и съ какой-то прирожденной скромностью, чѣмъ часто злоупотребляли его сослуживцы—деньщики. Онъ проявлялъ глубокую религіозность, но относился очень критически къ нашему священнику, отличавшемуся необыкновенной прожорливостью и трусостью. Въ долгіе зимніе вечера, когда не было работы, я любилъ слушать его простые, но умные рассказы о жизни великорусской